

Памятникъ рукотворный.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ третій. СПБ. 1912.—Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій. (1833—1837). СПБ. 1911.—Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпуски IX—XV. СПБ. 1909—11 г.

Медленно и скупо воздвигаетъ русская Академія свой рукотворный памятникъ Пушкину. Изданіе полного собранія его сочиненій грозитъ вѣтануться на много лѣтъ. Если самому поэту для созданія „нерукотворнаго памятника“, превысившаго „главою непокорной“ современный ему Александрійскій столпъ, понадобилось всего-навсего 22 года (1814—1836), то Академія цѣлыхъ тринадцать лѣтъ пришлось употребить на то, чтобы въ должномъ объемѣ и съ примѣчаніями приготовить едва ли одну седьмую всѣхъ его произведеній, въ трехъ томахъ, вышедшихъ съ 1899 по 1912 годъ (стихи лицейскаго, кишиневскаго и одесскаго періода, до начала ссылки въ Михайловское, т. е. 1814—1824 г.г.). Страшно подумать, какъ будутъ справляться наши академики съ дальнѣйшимъ изданіемъ огромнаго наслѣдія Пушкина, рассчитаннаго примѣрно на 12 томовъ (кромѣ „Переписки“), и въ какой срокъ сумѣютъ его исполнить. Изъ насъ, современниковъ этого изданія, въ юности пріобрѣтшихъ первые томы врядъ ли кто доживетъ до глубокой старости, чтобы имѣть удовольствіе дрожащими старческими руками перелистывать заключительные волюмы, сопровождаемые комментаріями, можетъ быть, не родившихся еще редакторовъ. На вѣпшихъ глазахъ послѣдовательно смѣнились три редактора первыхъ трехъ томовъ: послѣ кончины академика Л. Н. Майкова, редакція всего второго тома и текста третьяго перешла къ В. Е. Якушкину, а его въ комментаріяхъ послѣдняго тома замѣнилъ П. О. Морозовъ. Почтенныя имена извѣстныхъ знатоковъ Пушкина ручаются за тщательное и добросовѣстное выполненіе нелегкаго дѣла, но при всемъ уваженіи къ ихъ труду нельзя не признать его слишкомъ медлительнымъ и, притомъ, не всегда свободнымъ отъ недостатковъ.

Размѣры примѣчаній къ третьему тому чуть ли не вдвое превышаютъ размѣръ текста. Сюда вошло все написанное Пушкинымъ въ стихахъ съ 1821 по 1824 годъ, включая въ этотъ счетъ и поэмы „Братья разбойники“, „Гавриліада“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Цыганы“. Всего въ книгѣ 833 страницы большого формата, при чемъ самое издание, при крайней умѣренности его цѣны, по внѣшности можетъ быть названо почти роскошнымъ. Изъ редакторскаго предисловія мы узнаемъ, что транскрипція пушкинскихъ черновиковъ въ интересахъ скорѣйшаго печатанія текста и примѣчаній, по постановленію Пушкинской комисси, будетъ печататься, начиная съ этого тома, въ особыхъ дополнительныхъ томахъ, которые должны быть изданы впоследствии. Надо думать теперь, что предполагаемые 12 томовъ превратятся, такимъ образомъ, въ 24, а принимая во вниманіе общую медленность изданія, не слѣдуетъ ли ожидать, что и дѣтямъ напишемъ, пожалуй, не придется дожидаться полного Пушкина. Между тѣмъ, несравненно проще и удобнѣе какъ для Академіи, такъ и для читателей, было бы приложить черновые рукописи Пушкина въ подлинныхъ фототипическихъ снимкахъ. Нельзя не замѣтить, что въ настоящее время это предположеніе начало осуществляться помимо Академіи, и почти на-дняхъ вышелъ первый выпускъ „Рукописей Пушкина“ въ факсимильномъ изданіи князя Олега Константиновича ¹⁾.

Съ обычною тщательностью редація текста приготовлена В. Е. Якушкинымъ. Единственно, въ чемъ хотѣлось бы упрекнуть почтеннаго редактора,—это въ злоупотребленіи произвольными заглавіями, правда, заключенными въ прямые скобки, но въ научномъ изданіи все же недопустимыми. Таковы стихотворенія: „Дельвигу“, „Гвидичу“, „Записка къ другу“. Самъ Пушкинъ этихъ заглавій не выставлялъ. Имѣлъ ли также право редакторъ по своему усмотрѣнію измѣнить знакъ препинанія, установленный самимъ поэтомъ?—а между тѣмъ пріемъ этотъ примѣненъ при печатаніи эпиграммы: „Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный“; гдѣ поставленную Пушкинымъ послѣ перваго стиха точку съ запятой г. Якушкинъ замѣнилъ запятой съ объясненіемъ, что онъ считаетъ ее „лучше подходящею“ (стр. 27 примѣчаній). Произвольно вставлено на стр. 48 текста собственное имя „Мавротеній“, данное П. А. Ефремовымъ на основаніи показаній Дяттеса въ тетради Анненкова. У Пушкина стоитъ просто „М“. Непонятно также, почему откинуто въ текстѣ начало черноваго посланія къ Д. В. Давыдову („Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю“). Въ черновомъ наброскѣ всѣ части равнодѣльны, и нельзя, выбирая одну, выбрасывать дру-

¹⁾ Отзывъ объ этомъ изданіи былъ напечатанъ въ июльской книжкѣ „Современника“.

гя. Вообще вездѣ, гдѣ приходится изъ нѣсколькихъ вариантовъ выбирать какой-нибудь одинъ, г. Якушкинъ не обнаруживаетъ особаго чутья къ художественному достоинству стиховъ.

Стихотворенія „Русскому Геснеру“ и въ „Голубомъ зѣира полѣ“ г. Якушкинымъ безъ достаточныхъ основаній отнесены къ 1822 году.

Слѣдуетъ отмѣтить впервые исправленный по рукописи текстъ известной „Жалобы“ („Вашъ дѣдъ портовой, вашъ дядя поварь“), гдѣ четвертый стихъ соотвѣтственно подлиннику читается:

„И дива нѣтъ—не вы одинъ“.

Въ рукописи „Недавно я въ часы свободы“ г. Якушкинымъ найденъ конецъ, печатающійся также впервые.

Общій недостатокъ примѣчаній г. Морозова—это ихъ чрезвычайная, ничѣмъ не оправдываемая длина. Въ особенности производятъ впечатлѣнiе лишняго матеріала обширныя выписки изъ сочиненій Бѣлинскаго. Спору нѣтъ, что о многихъ стихахъ Пушкина Бѣлинскій въ свое время далъ глубоко-вѣрное сужденіе, но, право, несравненно лучше было бы для дѣла просто указать томъ и страницю знаменитаго критика, не перегружая примѣчаній, для которыхъ краткость является однимъ изъ важнѣйшихъ условий. Не настолько уже и непогрѣшимъ Бѣлинскій, чтобы на вѣки вѣчныя можно было довольствоваться его приговорами о Пушкинѣ. Если же останавливаться на Бѣлинскомъ, то параллельно ему отчето было бы не ~~перевести~~ ~~мнѣній~~ А. В. Дружинина, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова и другихъ? Щедро перепечатываемая страницы изъ Бѣлинскаго, Морозовъ не даетъ зачастую необходимѣйшихъ біографическихъ справокъ и историческихъ свѣдѣній или упоминаетъ о нихъ скупо и глухо.

Досадны и опечатки, для академическаго изданія непростительныя. Въ текстѣ ихъ нѣтъ, но примѣчанія кой-гдѣ пестрятъ ими. „Относилъ къ тебѣ“ вм. „относилъ къ себѣ“ (стр. 65), „то“ вм. „но“ (стр. 72), „Оаевскимъ“ вм. „Одоевскимъ“ (стр. 159), „переговорить“ вм. „переговоритъ“ (стр. 196), „родъ заглавіемъ“ вм. „подъ заглавіемъ“ (стр. 197), „отставновъ“ вм. „отставномъ“ (стр. 307), „Александроневская“ вм. „Александро-Невская“ (стр. 333), „программа“ вм. „эпиграмма“ (стр. 366) и т. ш.

Конечно, наши замѣчанія не умаляютъ достоинства трудовъ В. Е. Якушкина и П. О. Морозова. Но понятно то чувство, съ какимъ хочется видѣть плодъ пестилѣтныхъ трудовъ идеально безукоризненнымъ и совершеннымъ. Послѣдующимъ комментаторамъ отъ души советуемъ избѣгать обилія критическихъ цитатъ, въ подобныхъ изданіяхъ совершенно неумѣстныхъ, и обращать больше вниманіе на историко-бытовую и бібліографическую сторону пушкинской эпохи.

Что касается переписки Пушкина, то печатаніе ея под редакцію В. П. Саитова съ выходомъ третьяго тома закончено, и теперь остается ждать отдѣльно изданныхъ примѣчаній редактора. Имя такого ученаго, какъ В. И. Саитовъ, служить лучшимъ ручательствомъ за ихъ значительность и высокій интересъ.

Главная особенность академическаго изданія пушкинской переписки состоитъ въ томъ, что въ текстъ ея вкраплены всѣ дошедшія до насъ письма корреспондентовъ великаго поэта. Не говоря о представляемомъ ими историческомъ интересѣ, письма эти любопытны и цѣнны для насъ уже сами по себѣ, какъ отраженіе характеровъ, по большей части недюжинныхъ и богато одаренныхъ. Въ старину вообще умѣли писать письма и писали больше и лучше, чѣмъ теперь: эпистолярный слогъ въ наше время замѣтно вырождается и становится пережиткомъ; съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ телефоновъ и почтъ, онъ, за ненадобностью, скоро, вѣрно, и совсѣмъ исчезнетъ. Письма какъ самого Пушкина, такъ и его друзей и знакомыхъ печатаются съ полнымъ соблюденіемъ особенностей ихъ орфографіи. Изъ корреспондентовъ Пушкина грамотнѣе всѣхъ въ смыслѣ правописанія М. П. Погодинъ, письма котораго (въ общемъ, ихъ немного) носятъ на себѣ преимущественно просительно-искательный характеръ. Очень цѣнны и интересны письма одного изъ лучшихъ друзей Пушкина, П. В. Нащокина, поразкающіе, наоборотъ, своею стихійною безграмотностью, но обличающіе въ авторѣ рѣдкую душу и свѣтлый умъ. Въ первомъ же своемъ письмѣ, открывающемъ третій томъ, Нащокинъ даетъ, напримѣръ, превосходную характеристику малоизвѣстнаго поэта-улана Бахтурина, талантливаго человѣка, рано загубившаго себя пьянствомъ. Въ письмахъ другъ къ другу Пушкинъ и Нащокинъ дѣлятся своими несчастіями и удачами. Нащокинъ достаетъ для Пушкина денегъ. Пушкинъ упрямиваетъ его написать свои воспоминанія, чего Нащокинъ, по лѣности, такъ и не собрался сдѣлать. Въ одномъ письмѣ Нащокинъ такъ характеризуетъ самъ себя: „Нѣтъ ничего на свѣтѣ безпокойнѣ моея души. Сердце мое преглутое; я не думаю, чтобы у кого оно глушѣ могло быть; душа, что тутъ толковать“? Очень любопытенъ разсказъ Нащокина о пребываніи въ Москвѣ Брюлова (стр. 268).

Въ письмѣ А. А. Перовскаго (Погорѣльскаго) къ Пушкину (Янв. 1833 г.) В. И. Саитовымъ внесена поправка: „нѣжно цѣлю тебя въ мысляхъ“, а не „въ мышку“, какъ печаталось первоначально. Литературный тусоцвѣтъ, П. А. Катенинъ посылаетъ Пушкину свои сухіе, вылощенные стихи; зять, Н. И. Павлячевъ преслѣдуетъ шурина-поэта настойчиво-черствыми домогательствами по хозяйственнымъ дѣламъ, требуя неотступно женіной доли по

имѣнію. Большой интересъ представляютъ письма В. А. Жуковского, Д. В. Давыдова, Н. А. Дуровой, И. И. Лажечникова.

Письма самого Пушкина—явленіе, въ мировой литературѣ единственное и небывалое. Въ нихъ вся натура поэта, высокопрямодушная, благородная и прекрасная. Прежде всего скъзывается въ письмахъ безграничная его доброта. Пушкинъ постоянно помогаетъ всѣмъ, кто обращается къ нему: передъ Академіей ходатайствуетъ за вдову А. А. Шипкова (внука адмирала А. С. Шипкова и переводчика Шиллера), оставшуюся безъ средствъ послѣ смерти мужа; опредѣляетъ молодого Н. М. Бакунина переводчикомъ въ „Библиотеку для чтенія“ Смирдина; даже заступаетъ передъ С. Д. Нечаевымъ за протодіакона Царскосельской придворной церкви, исключеннаго изъ придворнаго звѣдомства за нетрезвость.

Въ своихъ письмахъ къ женѣ этого послѣдняго періода жизни (1833—1836 гг.) Пушкинъ выступаетъ передъ нами уже нѣсколько „отяжелѣвшимъ въ крылахъ“, не молодымъ, а пожилымъ человекомъ, отрекшимся отъ „безумства суетнаго пира“. Его отношенія къ Натальѣ Николаевнѣ отличаются аристократическою простотою и нѣжностью чувствъ. Грустно думать, куда шла, къ чьимъ ногамъ изливалась, кому приносилась въ жертву вся эта бездна задушевной нѣжности и беззащитной чистой любви! Въ письмахъ этихъ Пушкинъ мало напоминаетъ прежняго безпечнаго поэта: слогъ ихъ, если сравнить съ письмами 1823—26 гг., т. е. на десятилѣтіе раньше, совсѣмъ иной. Все чаще поэту приходится писать шриказы управляющему, провѣрять хозяйственные счета. Мы присутствуемъ при интимной жизни поэта; видимъ его въ халатѣ, закапывающаго повару болыинью, въ отсутствіе жены ѣдущаго въ клубъ и тамъ пріѣтствующаго холостой молодежью, сожалѣющей о трезнемъ, свободномъ Пушкинѣ. Съ какимъ простодушіемъ обо всемъ этомъ онъ сообщаетъ женѣ! Въ то же время долги льются опутываютъ его безконечной паутиной; онъ борется съ требованіями заимодавцевъ, закладываетъ, занимаетъ, вступаетъ въ сдѣлки со Смирадинымъ и за три недѣли до смерти обращается къ почти незнакомому человѣку (Скобельщину, круглому бѣдняку, ожидавшему пенсіи или пособія) съ просьбою дать взаймы три тысячи. Послѣдніе мѣсяцы онъ мечется, какъ тигръ въ клеткѣ, осыпавшій анонимными письмами, преслѣдуемый смлетнями недоброжелательной свѣтской черни. Несомнѣнно, онъ искалъ смерти, какъ желаннаго избавленія. Но благородное самообладаніе заставляетъ его таить отъ окружающихъ адскій пламень, бушующій въ душѣ: утромъ, въ день роковой дуэли, онъ какъ ни въ чемъ ни бывало, пишетъ учтиво-дѣловое письмо А. О. Ишимовой. Изумляться надо, какъ еще находилъ онъ въ себѣ силъ въ клѣткѣ такой ужасной жизни создавать то, что имъ было въ тѣ годы создано. Еще въ

1834 году онъ сознаетъ безвыходность своего положенія, но съ обыкновенною прямою такъ говорить въ одномъ изъ писемъ къ женѣ: „Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и, что еще хуже, огутать себя денежными обязательствами“.—„Я деньги мало люблю,—признается онъ въ другомъ письмѣ,—но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости“. Отличительная черта характера Пушкина—это его невинное, можно сказать, лучезарное простодушіе—черта истинно-гениальныхъ натуръ. При всемъ необъятномъ умѣ своемъ Пушкинъ добръ, ябженъ и доверчивъ, какъ ребенокъ.

На стр. 452-й В. И. Саяновымъ помѣщена извѣстная записка императора Николая Павловича къ умирающему Пушкину, возвращенная впоследствии государю. Она считалась утерянной.

Начиная съ 1904 года, комиссія для изданія сочиненій Пушкина выпускаетъ время-отъ-времени небольшіе сборники матеріаловъ, статей и изслѣдованій, касающихся такъ или иначе Пушкина, его жизни и трудовъ, подъ общимъ заглавіемъ „Пушкинъ и его современники“. Всего до настоящаго времени вышло пятнадцать выпусковъ. Въ нихъ наряду съ замѣтками, не всегда заслуживающими серьезнаго вниманія, посвященными подчасъ мелочамъ, почти не имѣющими непосредственной связи съ Пушкинымъ, встрѣчаются и чрезвычайно цѣнные работы. IX и X выпуски заняты подробнымъ библиографическимъ описаніемъ личной бібліотеки А. С. Пушкина, составленнымъ Б. Л. Модзалевскимъ. Къ сожалѣнію, бібліотека великаго поэта уплѣбла не вполне; но и въ настоящемъ своемъ видѣ она даетъ понятіе о томъ, какія книги читалъ и чѣмъ интересовался Пушкинъ. Поисканія его и умственные запросы были крайне разнообразны, какъ можно судить о томъ по бѣтлому взгляду на каталогъ. Кстати замѣтимъ, что при описаніи книгъ было найдено нѣсколько новыхъ автографовъ поэта, правда, не представляющихъ какого-либо особаго значенія.

Въ XI выпускѣ останавливаетъ вниманіе прошеніе Н. Н. Пушкиной (1856 г.) о продленіи литературныхъ 25-лѣтнихъ (по старому закону) правъ ея съ дѣтьми на сочиненія Пушкина, на болѣе продолжительный срокъ. Просьба была уважена и—Пушкинъ сдѣлался достояніемъ народнымъ не въ 1862 году, какъ слѣдовало бы ожидать, а лишь въ 1887, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины. Новый законъ распространился такимъ образомъ и на всѣхъ писателей русскихъ, и Н. Н. Пушкина должна считаться единственной виновницею пятидесятилѣтней литературной монополіи и ея стѣснительныхъ правилъ.

Здѣсь же помѣщено описаніе альбома А. Е. Шиповой (рожд. гр. Комаровской) и приведемъ въ превосходномъ снимкѣ, остававшійся неизвѣстнымъ до сихъ поръ пушкинскій автографъ. Это вписанное самимъ поетомъ въ альбомъ А. Е. Шиповой стихотвореніе „Муза“ („Въ младенчествѣ моемъ она меня любила“), гдѣ послѣдній стихъ отличается отъ печатнаго текста слѣдующимъ варіантомъ.

„Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ“.

Въ шиповскомъ альбомѣ имѣются также два неожиданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго и Н. М. Изюкова.

Еще любопытнѣе описаніе двухъ листковъ съ автографами Пушкина: „я здѣсь, Инезилья“ и „Рифма“, вклеенными въ альбомъ М. П. Шеншиной (рожд. Боткиной, супруги А. А. Шеншина-Фета). Повидимому, листки эти были подарены М. П. Боткиной Анненниковымъ, приготовлявшимъ къ печати свое изданіе (1855 г.). Теперь уже установлено, что Анненниковымъ изъ рукописей Пушкина несомнѣнно было „изъято“ немалое количество автографовъ. Въ настоящемъ случаѣ листки даютъ интересныя разночтенія, — вмѣсто „мечомъ уложу“ — „тотчасъ уложу“ и т. д. Въ концѣ второго листка набросаны два стиха, прочтенные Б. Л. Модзалевскимъ такъ:

И дѣвицы безъ блондъ и
(Она безъ модныхъ) жемчуговъ
(Манили взоры)
Прельщали взоры знатоковъ.

Б. Л. Модзалевскій говоритъ объ этихъ стихахъ, какъ о „неизвѣстно къ какой пьесѣ относящихся“. Между тѣмъ ясно, что это—два послѣдніе стиха XXXIX строфы „Домика въ Коломнѣ“, поэмы, написанной въ одинъ день съ „Римой“, т. е. 10 октября 1830 г. Окончанія въ словахъ „дѣвицы“, „манили“, „прельщали“, въ рукописи крайне неразборчивы, такъ что приведенные стихи свободно можно прочесть:

И дѣвица безъ блондъ и жемчуговъ
Прельщала взоры... знатоковъ.

Эпитета къ знатокамъ Пушкинъ не подобралъ, а въ печатномъ текстѣ это мѣсто читается:

И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

Описаніе рукописей, принадлежащихъ А. Ф. Огѣлину-Отто (въ Парижѣ), нѣсколько разочаровываетъ своею мелкостью: кромѣ отрывковъ и варіантовъ, въ немъ мало новаго матеріала.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе читателя на важное и цѣнное открытіе въ пушкинской литературѣ. П. Е. Щеголевъ съ

математическою точностью неоспоримо установилъ, къ кому относится знаменитое посвященіе „Полтавы“ („Тебѣ, но голосъ Музы темной“). На основаніи тщательнѣйшаго изученія рукописей, путемъ сопоставленія остроумныхъ выводовъ и догадокъ, П. Е. Щеголевъ пришелъ къ заключенію, что это „Посвященіе“ внушила Пушкину М. Н. Раевская, супруга декабриста, князя С. Волконскаго, дочь героя Отечественной войны, генерала Н. Н. Раевского. Хотя утвержденіе г. Щеголева вызвало возраженія со стороны нѣкоторыхъ послѣдователей,—фактъ такъ и остался фактомъ. П. Е. Щеголеву мы обязаны осознаніемъ одного изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Пушкина—его юношеской любви къ М. Н. Раевской.

Борисъ Садовской.
